

Забытая помощница. Почему стены редакции дышали

Мы начали готовиться к столетию газеты и продолжаем цикл публикаций из ее истории. Сегодня для выпуска издания применяются передовые технологии. Но еще недавно процесс производства газеты был иным. И если «мозгом» этого организма всегда были люди, то его «легкими» можно было бы назвать пневмочту. О ней вспоминает бывший ответсек «Вечерней Москвы» Сергей Борисов.

«Стены – дышали». Так во времена он начал очерк о новом здании у станции метро «Улица 1905 года» внештатный корреспондент «Вечерки». Но дежурный редактор такую вольность не пропустил. «Горькому, значит, можно, – обиделся внештатник. – У него море – синело». Редактор посмотрел на несостоявшегося прозаика с жалостью: «Ты не Горький». Потом прислушался и вроде бы даже удивился: «И вправду...» Так оно и было: стены – дышали. А еще вздыхали, клокотали, булькали, а порой издавали и нелитературные звуки. У пневмочты «Вечерней Москвы» была своя судьба! ...

Когда на Пресне поднялось здание типографии «Московская правда», в ее правое крыло вселились, почитай, все городские газеты, областное «Ленинское знамя», куча много тиражек и, естественно, «Вечерка».

Застучали лнотипы, забегали с гранками пишушие и с мокрыми фото пленками – снимающие. Только курьеров стало меньше. Это прежде они носились с оттисками в руках, подгоняемые рыком звереющего перед сдачей номера дежурного редактора и стонами редактора выпускающего. Но не сейчас!

Причина – в пневмочте. Как железный конь шел на смену крестьянской лошадке, так и технический прогресс в виде труб, компрессоров и пластиковых цилиндров-патронов был призван

облегчить жизнь тружеников пера и пишущих машинок. Это была настоящая революция, и ходоки из других изданий специально наведывались в «Вечерку», дабы своими глазами лицезреть это чудо техники, завидовали, но цокали языками: «Курьерами-то – надежнее!»

Тут они были правы. Пневмопочта, связавшая все отделы редакции для ускорения работы, регулярно сбоила. И ладно еще, если патрон вылетал из раструба в проволочный приемник не корректуры, а печатного цеха. Порой он исчезал навеки в сплетении труб, пронизывающих здание подобно кровеносной системе. Самое подлое, если он застревал в пределах видимости дежурного редактора, и тот начинал долбить по кнопкам пульта управления, а потом орудовать ножницами в попытке выковырять цилиндр из трубы. Ремонтники, как водится, не спешили. Пневмопочта замолкала на несколько часов или дней, а униженные ею курьеры переполнялись гордостью.

В 1991 году в «Вечерке» появился первый компьютер. Потом их стало много, они слились в сеть, надобность в пневмопочте пропала. О ней напоминали лишь трубы, торчащие из переставших дышать стен. А потом в редакции затеяли ремонт, и газорезчики откромсали мешающие новой облицовке отростки.

...Прошло несколько лет. Один из кабинетов затопило, панели на потолке рухнули. «Это что?» – спросил один из журналистов-новобранцев, заметив трубу на потолке.

«Темнота, – ответили ему, – пневмопочты не знаешь!» Рассказали, что было у нас такое диво-дивное. А тот самый дежурный редактор, который отучал писать по-горьковски, как-то в тумбе спящего стола нашел два пластиковых цилиндра с крышками на двух концах. Он был заядлым рыболовом, этот редактор.

– Пенал для поплавков можно сделать, – сказал он. – Или выкинуть? А стены молчали. Сергей Борисов

